

КОСМОС В ЗЕРКАЛЕ ГОРОДА

Г. В. Горнова, Л. А. Максименко

Аннотация. В статье сопоставлены представления о Космосе – как природном «разумном» порядке и о городе – как искусственно созданной, рационально организованной среде обитания людей. Обоснована мысль, что корреляция между развитием этих представлений детерминирована общими архетипами и социокультурным фоном.

Ключевые слова: космос, Вселенная, город, архетип, метафора, рациональность.

Summary. The article compares our ideas about space as a natural «reasonable» order and about the city as an artificially created, rationally organized human habitat. The authors argue that the correlation between the development of these ideas is determined by common archetypes and social and cultural background.

Keywords: space, Universe, city, archetype, metaphor, rationality.

История культуры знает немало универсальных идей, к числу которых принадлежит и общефилософская идея о микро- и макро-космосе, утверждающая изначальную соотнесенность человека и Космоса (Вселенной). Красной нитью она проходит через все натурфилософские системы греко-римской античности, гуманистические учения Возрождения, натурфилософию Нового времени и современную науку. В ходе развития этой идеи произошло значительное расширение логического объема понятий «микрокосм» и «макрокосм». Специфическая форма соответствий, установленная ранее для человека и Космоса, впоследствии была распространена на другие части и уровни организации природы и общества. В частности, возникла традиция соотносить мир культуры как совокупность норм, ценностей, духовных

стандартов с космосом как первозданной природной сферой и источником сакральных смыслов. Аналогия мира культуры с космосом постоянно воспроизводилась в сознании и бытии людей, и не только через мифологию и фольклор.

Трансформация культуры привела к тому, что культура стала пониматься как антипод природы. Идея подобия микро- и макрокосмоса размылась и опосредовалась, в связи между человеком и космосом появились промежуточные звенья: социум, государство, город. Создаваемый человеком искусственный мир все больше удалялся от космологических аналогий. Мир артефактов, к которому можно отнести и современный мегаполис, уже имеет как будто бы собственные законы существования, вписанность которых в космический план выглядит на первый взгляд очень сомнительной. Озна-

чает ли это, что древняя идея подобия микро- и макроскосмоса утратила свою значимость на уровне «Космос – город» и ее можно отнести к разряду архаических представлений и реликтов наивно-реалистического миропонимания? В поисках ответа обратимся к исторической ретроспективе и ключевым для данной аналогии понятиям космоса и города.

Основным вопросом космологии, в наиболее общей трактовке понимаемой как учение о происхождении космоса и его взаимосвязи с человеком, является вопрос: «Что есть космос?». Семантической доминантой этого многозначного понятия древнегреческой философии и культуры выступает противоположность хаосу. Κοσμος, в переводе с древнегреческого, это: упорядоченность, *порядок*; надлежащая мера, благопристойность; *строение, устройство*; государственный строй, правовой порядок; мировой порядок, мироздание; небо, мир, свет, земля [1, с. 974].

С одной стороны, космос, прежде всего, *организующий принцип*, упорядочивающий и эстетически оформляющий материю, с другой – он же и *результат устройства*, который распространяется на всю Вселенную. Логичным продолжением этой мысли может быть тезис о том, что город предстает перед нами как οἰκουμένη (ποικουμένη) – Ойкумена, охваченная устройением, сообразующимся с космическими принципами. Философия, социология, теология, художественная литература в процессе длительного развития сформулировали ряд метафор, которые во многом определили направление исследования города как феномена человеческой истории и культуры. Среди этих ме-

тафор особое место занимают три предельные метафоры: город-космос, город-организм, город-машина. В урбанистической метафоре присутствует скрытое сравнение различных аспектов бытия и существования универсума и города. Предельная метафора служит наиболее обобщенным выражением восприятия города и вокруг этой метафоры, как правило, формируется концепция со своим специфическим видением объекта. Одна из основных урбанистических предельных метафор – «город-космос» напрямую указывает на соотношение представлений о городе и о Вселенной. Истоки такого понимания находятся, вероятно, в архаичных пластах мифологического сознания, для которого освоение новых пространств равнялось их отделению от Тьмы, упорядочению стихии, демиургической структуризации первобытного Хаоса.

Можно высказать предположение о существовании определенной исторической корреляции между представлениями о космическом и земном устройстве, между космосом и городом. Город моделировал космическую мифологию, воплощая ее в реальном физическом пространстве посредством архитектуры и функционального устройства – «устава». Например, греческий полис выступал своеобразной проекцией космоса на землю. В символически организованном пространстве центр города мыслился центром мира, становился точкой отсчета в системе духовных координат. Изменялась топография мира. За пределами города оставался хаос, ничто, небытие. В полисе мир становился упорядоченным. В центре этого мира стоял человек, который на

равных общался с другими людьми и с самим космосом.

Как представляется, причины такой корреляции могут быть двойными. С одной стороны, архетипическими, с другой – социокультурными. Город как определенная организация, *у-строение*, *у-порядочивание* жизненного пространства человека занимает значительное место не только в объективной реальности, но и в духовном мире человека. В мифопоэтическом сознании космологические принципы и аналогии служат выражением внутренних характеристик социума. Город – творение человека, а в любом акте творения, обновления на протяжении веков присутствует идея творения мира, космоса, космогония – с точки зрения М. Элиаде – является образцовой моделью для любой ситуации.

Город как человеческое творение в определенном смысле воспроизводит Вселенную так, как она понимается в данное время. Средством организации пространства является архитектура, в которой опредмечиваются основы миропонимания, мировоззрение общества, этические принципы и эстетические идеалы, явно или неявно соотносимые с космологическими представлениями. Как отмечает Н. И. Смолина: «Архитектура всегда была «озабочена» космосом, была его метафорой, заключающей в себе исчисленность солярных ритмов, сакральное число как таковое, пришедшее из космологии» [2, с. 322]. Видимо, с этим напрямую связано семантическое ядро слова «архитектура», первоначально означавшее «первоздание», «первоздание». Архитектор, зодчий – творец мира, со-здатели вселенной,

соавтор первотворца. Столь высокая сущность архитектуры явственно указывает на возможность и даже неизбежную необходимость существования определенных параллелей, следов архаичных и современных представлений о вселенной, запечатленных в структуре города.

Если основа сопоставления земного и небесного имеет архетипические истоки, то логично предположить, что влияние этих глубинных архетипов можно обнаружить в разные эпохи в особенностях развития городов, в символике архитектурных форм, которые проявляют неявную корреляцию с существенными моментами понимания более масштабного, космического устройства мира. Образы лестницы, мировой горы в форме мандалы, зиккурата, пирамиды, церкви, алтаря-жертвенника и любого культового архитектурного сооружения, пройдя через тысячелетия, вошли в архитектуру храмов, отражая структурный каркас пространственной картины мира и универсальный принцип сопоставления земного и космического. Храм со времен отдаленной древности был неотъемлемой частью профиля города. Невозможно представить Вавилон без зиккурата, Афины без Парфенона, Париж без Нотр-Дама, Лондон без Вестминстерского аббатства, Санкт-Петербург без Исаакиевского собора. Христианский храм зачастую понимался как гармонизированный космос. Например, такую идею развивал Василий Кесарийский (ок. 330–379 гг.), у которого понятие мира и храма как художественных творений перетекают друг в друга. Мир – это храма божьего создания, храм – божий мир. Представле-

ние «храм-космос» было материализовано в таком грандиозном сооружении, как София Константинопольская [3, с. 22]. Храм – это «образ небесного мира», «небо на земле», символ и олицетворение небесного Иерусалима. В полном согласии с описанием небесного града в Откровении строились многие сооружения. Архитектурные формы романских храмов воплощали средневековую философскую идею о подобии микрокосма макрокосму Вселенной.

Организацию пространственной упорядоченности города передают, в частности, такие архетипические символы как мировая ось, гора, крест, мировое древо. Чтобы ощущать свою связь с универсумом и укрепиться в реальности, люди проецировали новое поселение в «центр мира» и стремились располагать населенные места на возвышенностях. Для культурно-антропологического пространства традиционных обществ мифология центра определяла космический и социальный порядок, роль центра выполнял город, строительство которого также исходило из центра и имело космологическую символику, уходящую своими истоками в развитие земледелия и связанную с ним ритмичность природных процессов. Космологические образы первых земледельческих культур переводились в закономерности пространственного порядка. Формы искусственной среды служили для закрепления знаний об астрономических явлениях. Отсюда – тенденция, сыгравшая огромную роль в становлении городских структур, связанная с символизмом круга как воплощения единства города и мира, небесного порядка. К примеру, древнейшие города Двуречья имели

наиболее компактную кругообразную форму с дворцово-храмовым комплексом в центре и довольно случайной планировкой расположенных вокруг него жилых кварталов [4]. В именовании греческих городов – полисов отражен «земледельческий» смысл – глагол *πόλλέω* имеет значения «переворачиваю», «пашу», «населяю», «обитаю». Латинский термин, означающий большой город, – *urbis* восходит к *urbare* – *urvbare* – «очерчивать», «опахивать окружность» – к обряду при основании города [5, с. 7]. Как отмечает М. Элиаде, борозда, которую прочертил мифический Ромул плугом вокруг городского алтаря – получила свое символическое название *mundus* – мир. Селения с кольцевой планировкой были широко распространены у праславян и древнейших славян, кремни древнерусских городов имели круговую структуру.

Другой космологический символ, в котором можно увидеть архетипический образ креста – пересечение под прямым углом осей, направленным по сторонам света (крестообразная структура) – дал начало приему регулярного порядка, характерного для поселений целого ряда позднейших культур – древнеегипетской, южноазиатской, культуры американских индейцев. Древнеегипетский иероглиф для обозначения поселения представлял собой крест, вписанный в круг. В дальнейшем этот символ стал астрономическим знаком для обозначения Земли. С глубокой древности вносимые в окружение очевидные начала геометрического построения, регулярность формы, основанной на прямом угле, ассоциировались не только с сокровенным знанием, но и с вла-

стью разума. Прямой угол в человеческом сознании – это «правильный» угол. Отсюда – семантическая близость понятий, отражающих тему утверждения миропорядка как *правопорядка*, правильного, рационального устройства общества: «право», «править», «правда», «правило». С течением времени город все больше и больше осмысливался как правовое пространство, в котором проблемы регулируются законом и разумом, все более прочной становится связь между рациональным мышлением и идеей города.

Отражение этого космологического принципа имеет любопытную особенность. По образному выражению Ю. Лотмана [6, с. 676], архитектурное пространство живет двойной жизнью. Оно не только само моделируется универсумом: мир, создаваемый человеком, воспроизводит его представление о глобальной структуре мира, но и моделирует универсум, так как представление о структуре обжитого мира переносится на мир в целом. Еще в неолите начинает преобладать прямоугольное в плане жилище, а впоследствии возникает разделение «обитаемой» земли на прямоугольные участки. Это нововведение, не существующее в природе, человек «оправдывает свыше», укореняя его на небе, придавая ему «правильную», квадратную форму. «Небесная квадратность» обнаруживается в квадратности плана храмового алтаря, как основания мировой оси и как модели мироздания. Квадратное небо в ведической алтарной системе и позднее в буддийской ступе – свидетельство раннего происхождения и устойчивости такого представления [7, с. 139].

Организация пространства, отражающая упорядоченность присутствующей космосу, послужила импульсом для развития прямоугольной планировки в поселениях многих культур (города Древнего Египта, Двуречья, долины Нила, Китая, античной Греции, Римской империи, Центральной Америки доколумбовых времен). Идея «регулярного» урбанизма расцветала в утопических концепциях Ренессанса. Альберти требовал чтобы «улицы города были прямыми, дома – одинаковой вышины, выровненные по линейке и шнуру». Проекты Франческо ди Джорджио Мартини, Дюрера, фантастическая восьмиугольная Сфорцинда Филарете, замыслы Леонардо да Винчи возводили геометрическую правильность в идеал красоты и рациональности. Эти принципы и идеи оказали практическое воздействие на планировку многих городов – Ла-Валетты (на Мальте), Нанси, Петербурга, Лимы и др. Ю. М. Лотман отмечал, что такие города копировали представление об идеальной симметрии космоса и воплощали победу рациональной мысли человека над неразумностью стихийной Природы. В основе современных урбанистических концепций, например, у Ле Корбюзье, та же традиционная прямоугольная сетка, полное господство геометрии – как залог жизнеспособности города и как выражение предельной рациональности – гаранта спокойствия и уверенности: «чем совершеннее порядок, тем спокойнее и увереннее чувствует себя человек» [8, с. 32]. Понимая человеческое творчество как акт упорядочивания бытия, он полагал, что человеческие творения, рассматриваемые с высоты, это

«правильные» геометрические фигуры. Однако впоследствии «правильное» освоение всей непрерывной сферической поверхности планеты (Корбюзье), отрыв образности космоса от его рациональности, гипертрофированность «технической» рациональности, воплощенной в рационалистичеко-технизированной архитектуре XX в., привели к преобладанию типовой, однообразной городской застройки.

В определенном смысле выражением предельной рациональности города могут служить представления об идеальном городе, которые складывались в разные исторические эпохи. Идеальный город мыслился как поселение, в котором планировка, застройка, функционирование были наиболее рационально устроены и оптимально выполняли свое практическое и эстетическое предназначение. К образу идеального города обращались как философы, так и архитекторы: Платон, Аристотель, Витрувий, Альберти, Филарете, Дюрер, Кампанелла. При этом источник «идеальности» – как предельной рациональности – был связан с космосом. Наиболее явным и ярким примером является знаменитая утопия Т. Кампанеллы – «Город Солнца». В ней структура «взыскуемого града» строилась как пространственная модель и символ гелиоцентрической системы Коперника [9, с. 146]!

Именно обладание разумом втягивает человека в непосредственную связь со Вселенной, чем бы она ни управлялась – логосом, Божественным разумом, природным законом. Эта связь явно или неявно, сначала непосредственно, а потом все более опосредованно проявляется в бытии че-

ловека в городе. С точки зрения современных космологических представлений, космос – особое состояние нашей Вселенной, реализованной в совокупности условий, сделавших в конечном итоге возможным существование человека. Предельную рациональность «города-космоса» можно рассматривать как специфичную урбанистическую трансформацию антропного космологического принципа – город должен быть космосом, чтобы допускать существование горожан.

У предельной рациональности, как и у всех явлений, есть своя оборотная сторона. Последователи крайне рационального подхода к урбанистике сочли несущественным такой важный факт как соединение в человеческой природе рационального и иррационального начал. Градостроители определяют избыточность и сложность архитектурной среды как фактор ее эмоционального воздействия, а эмоциональное воздействие не всегда поддается логическому объяснению. Архитектурные образы несут сложный комплекс значений, часть которых сохраняет связь с прошлым города: с его создателями (творцами) и с теми, для кого он создавался (обитателями), – в них определены отношения людей, ранее населявших город. Эти образы расширяют сферу переживаний горожан, формируют их культурную городскую идентичность. А новые микрорайоны современных городов, отличающиеся монотонной архитектурной средой, у своих жителей вызывают бессознательный протест против излишней рационализированности городской жизни. И вместо функциональных городов будущего появляются

ся новые маргинальные районы, украшенные граффити и нелюбимые своими обитателями.

Космология была органично вплетена в ткань философских учений. Город моделировал космическую мифологию, воплощая ее в реальном физическом пространстве посредством архитектуры и функционального устройства. Греческий полис можно рассматривать как функциональную, действующую «модель» Космоса. В основе художественного мышления средневековых мастеров и философского сознания схоластов лежала специфическая «модель мира». С одной стороны, в христианском храме воплотилось представление людей о мироздании, об одухотворенном Космосе, о единстве земного и небесного, о небесном граде – Горнем Иерусалиме, с другой – сам Космос понимался как храм. Инверсию метафоры «космос-храм» можно обнаружить у Коперника, излагающего «порядок небесных орбит»: «В *середине* всего находится *Солнце*. Действительно, в таком великолепнейшем *храме* кто мог бы поместить этот *светильник* в другом и лучшем месте...» [10, с. 35].

В Средние века образы западноевропейских и русских городов отражали синтез космологических и социальных значений при доминировании последних. Главные городские здания – это символы социальных сил: замок – светской феодальной власти, собор – власти духовенства, ратуша – самоуправления горожан. Грандиозное внутреннее пространство готических храмов, цветные витражи таинственного света создают эмоциональное ощущение отъединения от внешнего мира, иррациональности бытия. Но разве та-

кая организация пространства, акцентирующая изолированность, воплощает только идеи войны, обороны, религиозного запрета? А если посмотреть шире, в космических масштабах, то можно обнаружить что город по-прежнему мыслился как символ Вселенной, отображая представления о ней в своих схемах и архитектурных сооружениях. Собор, крепость или площадь в центре и окружающие их один, два, три или четыре кольцевых ряда застроек с широкими кольцевыми улицами – обязательные элементы схемы средневекового города, в основе своей весьма схожей с господствовавшими в этот период представлениями об устройстве мироздания в целом. Образ средневекового города очень напоминает канонический образ христианского космоса, как он запечатлен на фреске Р. Руссио (1390 г.). Всецело зависимый от Бога-Создателя христианский космос изображен как восходящая к Аристотелю и Птолемею система концентрических небесных сфер, включая и ангельские сферы небесной иерархии, окружающих неподвижную Землю, заключенная в руках Творца, заменивших Аристотелев Перводвигатель.

Корреляция между космологическими представлениями и образом города обнаруживает себя в таких предельных метафорах как «город-машина» и «Вселенная-механизм». Эти метафоры порождены общим социокультурным контекстом и имеют единый онтологический фундамент – представления о мире как о бесконечной однородной Вселенной, в которой господствует порядок, отождествляемый с законами механики Ньютона и «железной» необходимо-

стью Лапласа. Во всех сферах жизни, в том числе в космологии и в ряде градостроительных концепций от начала Нового времени до XX в. распространяется влияние механистического мировоззрения. Примером чему может служить определение О. Вагнера и Ле Корбюзье – «дом – машина для жилья».

В такой картине мира определенная последовательность событий: воплощение классической механики в прикладную – промышленная революция XVIII в. – создание фабричной системы – рост городов – также неявно указывает на взаимосвязь представлений о городе и о Вселенной. Из представления о мире как о машине, состоящей из элементов разной степени сложности, вытекает представление о городе-машине как одном из элементов механической системы, что неизбежно сказывается на «архитектурном характере» города. Классический стиль, предпочтение четких линий, регулярность планировки, геометризм и четкость объемной формы – за этим стоит не только обращение к античному наследию, но и отражение нового восприятия мира, основанного на трех измерениях «правильного» эвклидова пространства, математически выражаемого созданной Декартом прямоугольной системой координат. Подобные параллели исторически обусловлены, в их формировании играют роль многие факторы – социальные, экономические, научные, а также мироощущение, настроение, характерное для данной эпохи.

Радикальное изменение космологических взглядов произошло в XX веке. Новая система концепций вступила в противоречие с класси-

ческими представлениями о мире как о стабильно-линейном универсуме, который подчиняется неизменным законам. Вселенная стала рассматриваться прежде всего как эволюционирующий, саморазвивающийся объект. Современные представления о Вселенной основаны на *плюралистичном образе нестабильного нелинейного мира, балансирующего на грани порядка и хаоса*. Хаос выступает фундаментом инфляционной парадигмы современной космологии. Хаотическая инфляция понимается как вечный процесс *самовоспроизводства* отдельных областей миров. Не вдаваясь в детали частнонаучного характера, зафиксируем результат: то, что прежде считалось Вселенной, «изданной в одном экземпляре» (А. Пуанкаре), после инфляции оказывается гигантской мегаструктурой – Мета Вселенной, разделенной на бесконечно большое число экспоненциально больших областей. В прежних космологических концепциях неизменно присутствовала идея центра. В середине XX в. она выступала в форме антропного принципа.

Общая тенденция культуры XX в. – девальвация понятия центра, единства как мировоззренческой категории – четко просматривается в современной космологии. Современный город также непрерывно изменяется. Расширяются его границы, исчезают одни функциональные связи и отношения и возникают другие, происходит лавинообразный процесс «расползания городов» и, как следствие, изменяется понимание города как компактного замкнутого пространства, которое сохранялось на протяжении всей истории. По-

пытки регламентировать рост городов оказываются неэффективными. Непрерывная динамика границ не допускает более обособленности, определяемой формулой «деревня-город-мегаполис», равно как современное понимание Вселенной не вписывается в классическую схему – «Солнечная система – Галактика – Вселенная». В космологии возникает новое понятие, пока еще не жестко закрепленное одним термином, но чаще всего обозначаемое в литературе как Метавселенная. Урбанистическим аналогом этого понимания может быть термин, предложенный в 1953 г. Ле Корбюзье – «агломерация людей». В градостроительных проектах город все чаще рассматривается как элемент взаимосвязанной системы населенных мест, его архитектура, коммуникации развиваются в рамках тенденции разомкнутого пространства, которая вытесняет доминирующую до этого диктатуру симметрии. Это довольно четко соотносится с космологическим фоном современных представлений об окружающем мире.

Таким образом, в основе сопоставления представлений о космосе – как природном «разумном» порядке и о городе – как искусственно созданной, рационально организованной среде обитания людей лежит неразрывная, всегда ощущаемая, хотя и не всегда ясно осознаваемая, связь между человеком и Вселенной, которая детерминирована общими архетипическими истоками и социокультурным фоном. Именно эта связь является источником корреляции между развитием космологических знаний и представлениями об устройстве и существовании города.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Древнегреческо-русский словарь / Под ред. С. И. Соболевского. – М., 1958. – Т. 1.
2. Смолина Н. И. Традиции симметрии в архитектуре. – М., 1990.
3. Вагнер Г. К. От символа к реальности. Развитие пластического образа в русском искусстве XIV–XV веков. – М., 1980.
4. Гутнов А., Глазычев В. Мир архитектуры. Лицо города [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// glazychev.ru / books / mir_architecture / archit.htm](http://glazychev.ru/books/mir_architecture/archit.htm).
5. Блаватский В. Д. Античный город // Античный город. – М., 1963.
6. Лотман Ю. М. Архитектура в контексте культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб., 2000.
7. Павлов Н. Л. Алтарь. Ступа. Храм. Архаическое мироздание в архитектуре индоевропейцев. – М., 2001.
8. Корбюзье Ле. Архитектура XX века. – М., 1970.
9. Стригалева А. А. «Город Солнца» Кампанеллы как идеал миропорядка // Художественные модели мироздания. Взаимодействие искусств в истории мировой культуры / Под ред. В. П. Толстого. – М., 1997. – Кн. 1.
10. Коперник Н. О вращениях небесных сфер. Малый комментарий. Послание против Вернера. Упсальская запись / Пер. И. Н. Веселовского. – М., 1964.